

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
28 (91)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

КЭБРА НАГАСТ

(Основные идеи эфиопского династического романа XIV в.)

После упадка Аксумского царства, т. е. приблизительно с X в., история Эфиопии погружается для нас в темноту, которая рассеивается лишь к XIII в. От этого периода в более чем три столетия не дошло никаких письменных памятников. И лишь по записанным много позже легендам, преданиям, житиям святых мы можем догадываться об огромной внутренней работе, создавшей за это время своеобразную (хотя и менее, нежели Аксумская, связанную с внешним миром) цивилизацию, центр которой уже значительно смещен на юг страны — в Шоа. Расцвет этой цивилизации связывается, согласно традиции, с приходом к власти в XIII в. новой энергичной династии, одержавшей победу в ожесточенной династической борьбе, положившей конец внутренним смутам и начало оформлению эфиопской государственности и основных черт эфиопской феодальной системы. Именно этот начальный период Шоанского царства дал толчок литературному творчеству. Растущее, формирующееся общество всегда испытывает острую нужду в выработке самосознания, в культурном и идеологическом самоопределении. Вопрос — «Кто мы?» — в такие переломные периоды встает со всей неотвратимостью. Именно в таком аспекте и следует, видимо, рассматривать одно из самых значительных по своей важности произведений эфиопской литературы — знаменитый династический роман XIV в. Кэбра Нагаст,¹ в котором вплоть до недавнего времени² видели или хаотическое нагромождение различного рода легенд и преданий, или лишь идеологическое оправдание узурпации престола династией Соломонидов. Последний мотив играл, впрочем, значительную роль в замысле произведения, но едва ли весь комплекс идей Кэбра Нагаст может быть сведен к этому одному мотиву. Он не объяснил бы той огромной популярности, которой пользовалась эта «Эфиопская Энеида» в Эфиопии на протяжении многих столетий, а также и того факта, что важнейшие темы ее и до наших дней живут в фольклоре народов Эфиопии, в ее современном искусстве. Древнейшая рукопись этого памятника — Éth. 94 Парижской Национальной библиотеки — датируется XIV в.³ Колофон и некоторые внешние данные позволяют еще точнее определить дату его составления и установить личность автора (точнее, редактора). Приводим колофон в переводе: «В арабском тексте сказано: „Мы переложили (эту книгу) на арабский с коптской книги от престола Марка-евангелиста, отца всех нас, мы переложили ее в 409 году благодати в стране Эфиопии во дни царя Габра Маскаля, прозванного Лалибалой, во дни аввы Георгия, митрополита изрядного“. И довел (теперь) Господь переложить и перевести ее на эфиопский язык. Когда же я думаю, почему Абальэз и Абальфарат, которые переложили ее (на арабский),

¹ «Слава царей». Издан по шести рукописям с немецким переводом и введенным в 1905 г. Карлом Бецольдом, см.: Bezold C. Kebra Nagast: Die Herrlichkeit der Könige. — Abhandlungen der Königl. Bayer. Akad. der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, München, 1905, Bd 23, Abt. I. Отдельные фрагменты памятника перевел на польский язык Стэфан Стрельцын, см.: Strelcyn S. Kebra Nagast czyli Chwała Królów Abisynii. Fragmenty. Warszawa, 1956.

² См.: Donald N. Levine. Greater Ethiopia: The evolution of a multiethnic society. Chicago; London, 1974, p. 92—112.

³ Strelcyn S. Kebra Nagast. . . , p. 62—63.

не перевели ее (на эфиопский), то говорю (себе): „Ибо пришла она во дни загва“,⁴ и не перевели они ее, так как в книге этой сказано: „Если воцарятся не являющиеся израильтянами, то будет это переступлением Закона“. Если бы это было в царствование Израиля,⁵ то они перевели бы ее. Найдена она была в Назрете. Молитесь за меня, раба вашего, бедного Исаака, и не упрекайте за неровность слов языка, ибо много утруждал я себя ради славы царей эфиопских. Я спрашивал (совета) у макваннэна⁶ верного, возлюбленного Господом Йаэбика Эгзиэ, и одобрил он, и сказал мне: «Делай!». И сделал я с Божьей помощью, и не осудил он меня по грехам моим. Молитесь же за раба вашего Исаака и за тех, кто трудился со мной над переложением этой книги, ибо весьма тяжело досталось нам: мне и Йэмхаранна Абу, и Хэзба Крэстосу, и Андрёю, и Филиппу, и Махари Абу. Да помилует их Господь в Царствии Небесном вместе со всеми святыми и мучениками, и да запишет имена их в Книгу Живота. Во веки веков. Аминь и аминь!». ⁷

409 «год благодсти» соответствует 1225 г. от р. Х.⁸ В обнаруженной Конти Россини в Дабра Либаносе (Шимезана, в Тигре)⁹ дарственной грамоте № 7, датированной 3-м миязья (11 апреля) того же года, упоминаются и царь Лалибала, и митрополит авва Георгий. В грамоте № 17 упоминается Йаэбика Эгзиэ — правитель (сэйум) Эндарта, который в другом месте той же грамоты назван макваннэном. Грамота эта датирована 1319 г. Согласно грамоте № 15, в 1305 г. правителем Эндарта был Тасфана Эгзиэ, а до него, с 1270 г., согласно грамоте № 11, его отец — Энгэда Эгзиэ. В 1322 г. в Тигре были волнения,¹⁰ в которых был замешан, по-видимому, и Йаэбика Эгзиэ. В том же году управление областью Эндарта¹¹ было передано непосредственно жене Амда Цэйона царице Бэлен Саба, а в 1328 г. — ее сыну Бахра Асэгэду. Йаэбика Эгзиэ, таким образом, правил областью Эндарта не ранее, чем с 1306 г., и не позднее, чем до 1322 г. В той же грамоте № 17 (одной из дарственных грамот Йаэбика Эгзиэ) сказано, что перевел их на эфиопский (с языка тигринья?) Исаак, нэбура-эд (наместник, настоятель) Аксумский.¹² Кэбра Нагаст заканчивается списком царей, который заключается Амда Цэйоном I (1314—1344). Все эти данные приводят к заключению, что перевод произведения с арабского языка (точнее, с арабского конспекта) сделан наместником Аксумским Исааком с помощью упомянутых в колофоне местных духовных лиц и под покровительством правителя области Эндарта Йаэбика Эгзиэ между 1314 и 1322 г. Что касается арабского текста, то его датировка в колофоне 409 «годом благодсти» (1225 г. н. э.) едва ли может быть принята, ибо династия Соломоновидов, прославившаяся которой в значительной степени и посвящена Кэбра Нагаст, возшла на престол лишь в 1270 г.¹³ Тем не менее существование арабского оригинала (или по меньшей мере конспекта) Кэбра

⁴ Загва (Загве) — династия агау (коренного кушитоязычного населения Эфиопии) правила с 1137 до 1270 г., столицей ее был г. Роха в области Ласта. Согласно преданию, она считается узурпаторской и не принадлежит к линии Соломоновидов.

⁵ Израиль — общее название для династии Соломоновидов, восторжествовавшей в 1270 г. в лице Йэкуно Амлака (1270—1285), и для принцев крови Соломоновой линии.

⁶ Макваннэ, или маконнэ. Маконнэны были высшими государственными сановниками и членами Верховного суда, впрочем, непостоянными.

⁷ Bezold C. Kebrā Nagast, S. 172—173.

⁸ Дата по эре «мучеников», или Диоклетиана (284), с прибавленным к ней пасхальным периодом в 532 года, т. е. 284+532+409=1225. Термин «год благодсти» заимствован из Пс. 64, 12.

⁹ Это Дабра Либанос Тигрейский, названный так не в честь Горы Ливанской (как Шоанский Дабра Либанос), а в честь аввы Ливания (он же Мата), одного из «девяти предподобных» основателей эфиопского монашества (VI в.).

¹⁰ Об этих волнениях упоминает и хроника Амда Цэйона, см.: Турев Б. А. Абиссинские хроники XIV—XVI вв. / Пер. с эфиоп. под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1936, с. 44.

¹¹ В то время правитель Эндарта управлял если не всей, то значительной частью провинции Тигре.

¹² Подробнее см.: Conti Rossini C. Aethiopica (II serie). — Rivista degli Studi Orientali, 1925, vol. X, p. 506—508.

¹³ Основные концепции этого произведения распространены были, впрочем, уже в дозагвейский период (см. далее, с. 47). Нельзя поэтому полностью исключать возможность существования первоначальной коптско-арабской редакции, упоминаемой Исааком, которая могла быть осуществлена сторонниками Соломоновидов или в Египте, или в Шоа, где, согласно преданию, нашли себе убежище свергнутые загвеями потомки аксумских Соломоновидов. См. также: Strelcyn S. Kebrā Nagast. . . , p. 19.

Нагаст не подлежит сомнению. Это доказывается и большим числом арабских слов, и множеством имен собственных, которые можно понять лишь как буквальную транслитерацию арабских имен собственных, и некоторыми этимологическими выкладками, где за основу берется арабское значение слов или их частей.¹⁴

Косвенно наличие арабского оригинала (конспекта) подтверждается и фактом существования таких арабских конспектов для значительного числа эфиопских произведений. В таких конспектах нуждались прежде всего египетские христиане, обосновывавшиеся в Эфиопии чаще всего при коптском митрополите Эфиопии, назначавшемся александрийским патриархом из монастыря св. Антония. Литературная деятельность этих египетских христиан в Эфиопии вызывалась как необходимостью исправления и количественного увеличения богослужебных книг, так и распространения монофизитских богословских сочинений для упрочения связи эфиопской церкви с Александрийским патриархатом.¹⁵

В основу Кэбра Нагаст положена известная династическая легенда о происхождении царей от Соломона и царицы Савской. Возможно, что происхождение этой легенды обусловлено было знакомством эфиопов со Священным писанием (III Царств, X, 1—13), и царица Савская была соотнесена с Эфиопией так же, как соотнесено было греческое Αἰθιοπία, которым передано еврейское Куш, с Абиссинским нагорьем. Легенда эта была известна в Южной Аравии, по-видимому, еще до ислама¹⁶ и могла быть занесена в Эфиопию южноарабскими переселенцами, христианами или иудеями. Да и без этого аксумские цари, владычествовавшие до VI в. на обоих берегах Красного моря и носившие титул царей Химьяра, и Райдана, и Савы,¹⁷ могли приурочить к себе эту легенду, ставшую впоследствии основой целого династического романа. Композиция «романа», вопреки кажущейся хаотичности объединенного им материала, обладает внутренней притекающей из его целевой установки стройностью. Кэбра Нагаст — это, с точки зрения композиции, своего рода «книга в книге».¹⁸ Центральная повествовательная часть (главы 19—94) представлена в качестве рукописи, обнаруженной якобы римским (т. е. константинопольским) архиепископом Дометием в соборе св. Софии в Константинополе. Ей предшествует пролог (главы 1—18), а заключает ее эпилог (главы 95—117), представляющие собой своеобразный диалог собора «318 праведных» (Никейского, 325 г.) и Григория (совместившего в себе двух персонажей: Григория Просветителя, жившего в то время, но не принимавшего участия в Никейском соборе, и Григория Чудотворца, жившего в III в.). Разыгрывающееся перед нами «действие», таким образом, происходит в IV в., а события центрального повествования более чем двенадцать веков тому назад, во времена Соломона и Ровоама. Григорий Чудотворец говорит, что он 15 лет размышлял о славе царей во рву и убедился, что она зависит не от могущества, не от богатства, не от обширности владений, но от обладания Ковчегом завета. Собор «318-и» соглашается с этим. Затем встает Дометий и рассказывает о том, как он нашел в Доме Софии (в Константинополе) среди царских книг и сокровищ писание о том, что «все царство мира принадлежит царю Рима¹⁹ и царю Эфиопии. . . , ибо оба они — потомки Сима, сына Ноя,

¹⁴ Подробный анализ этих арабско-эфиопских соответствий см.: Bezold C. *Kebrä Nagast*, S. XXXIV—XXXVI.

¹⁵ Юридическое оформление зависимости эфиопской церкви от Александрийского патриархата нашло выражение во многих постановлениях Никейского собора 325 г., которые введены были только в арабский перевод соборных постановлений. Ибн-ал-Ассал в XIII в. включил их в свой Номаканон для египетских христиан, который, будучи переведен в Египте на эфиопский язык эфиопским дьяконом Петросом Габра Эгзиабхером, во второй половине XVI в. попал в Эфиопию, где под названием Фэтха Нагаст («Право царей») стал правовым сводом высочайшего авторитета. В IV главе этого свода («О патриархах») приводится 42-е постановление Никейского собора, предписывающее «людям эфиопским» получать своего духовного главу из Египта; пользуясь почетным титулом патриарха, этот епископ не должен был иметь его власти и подчиняться Александрийскому. См.: Guidi I. Il «Fetha Nagast» o «Legislazione dei Re», codice ecclesiastico e civile di Abissinia. Roma, 1897, p. 23—24.

¹⁶ Caquot A. *La Reine de Saba et le Bois de la Croix selon une tradition éthiopienne*. — Annales d'Éthiopie (Paris), 1955, t. I, p. 137—147.

¹⁷ Littmann E. *Deutsche Aksum-Expedition*. Berlin, 1913, Bd IV, S. 24—25.

¹⁸ Cf.: Donald N. *Levine*. *Greater Ethiopia*, p. 95.

¹⁹ Термины «Рим», «римский» и т. п. в эфиопских текстах относятся к Византии.

потомки Авраама, потомки Давида, чада Соломона. Ибо Господь даровал славу семени Симову ради благословения отца его Ноя. Царь Рима — сын Соломона и царь Эфиопии — сын Соломона, *первородный, старший*» (курсив наш. — В. П.) (с. 11).²⁰ Далее его устами доказывается первородство эфиопского царя, т. е. передается легенда о посещении царицей Савской Соломона, о рождении «сына Мудрого» (Менелика), о посещении им Соломона, о помазании его первосвященником Садоком и похищении Азарией Ковчега завета, о возвращении Менелика с Ковчегом в Эфиопию. По отъезде Менелика плач настает в Иерусалиме. Соломон рассказывает Садоку, что он видел во сне, как солнце сошло в Иудею и, посветив немного, зашло, а затем стало светить в Эфиопии. Садок догадывается, что сон этот относится к Ковчегу завета. Соломон отправляет за похитителями погоню, но безуспешно. Рассказывается о плаче Соломона и его последних годах. Между прочим, ангел пророчесствует ему о Христе, и Соломон спрашивает у него, что станет с народом израильским. Ангел отвечает: «Истинно говорю тебе, что распнут они Спасителя и когда прольют кровь его на кресте, будут рассеяны по всему миру» (с. 85). Далее следуют доказательства, что все цари земные — семиты. Так, римские цари происходят от Иафета, но один из них узнает, что царство римское должно перейти к потомкам Сима, и отдает свою дочь за Соломона. От нее и Соломона рождается Адрами, который и становится римским царем по просьбе Валтасара, последнего римского царя Иафетовой линии, у которого не было детей мужского пола. От потомков Сима происходят также цари Вавилона, Персии, Моавы, Амалика, филистимлян, исмаилитян. При этом об их происхождении рассказывается различные легенды.

Затем возобновляется прерванный рассказ о Менелике, о его возвращении в Эфиопию, о его воцарении, о назначении его спутника Азарии первосвященником, о сделанных последним наставлениях ритуального характера. «И они записали этот закон и имена, и положили на память для будущих времен, и соответственно этому была очевидна слава царей Эфиопии и слава царей Рима. Ибо они были братья и (одинаково) веровали в Христа. Первоначально и цари Рима веровали православно, согласно проповеди Апостолов, до Константина и царицы Елены, нашедшей дерево Креста, и пребывали (в этой вере) 130 лет. Потом восстал Сатана, древний враг рода человеческого, и соблазнил народ Римской страны. Они исказили веру Христову и ввели в церковь Господню ересь устами Нестория. Эфиопия же остается при своей вере до второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа, ему же слава во веки веков. Аминь!» (с. 126—127).

Таким образом, в уста самого патриарха Римского вкладывается признание в «отпадении» Римской церкви от истинной веры (монофизитства).

! Все присутствующие признают величие Эфиопии. Далее следуют рассуждения об иудеях, не признавших сына божьего. За это «наказаны будут они вечным огнем, мы же, верующие праведно, останемся на месте нашем и возрадуемся вместе с учителями Апостолами, ибо мы пошли путями Христа и по заповедям Его. Они же, поскольку распяли Спасителя мира, были рассеяны, царство их оставлено, они погибли и истреблены навеки» (с. 129).

Весь собор соглашается, что царь Эфиопии превосходит славой и величием всех царей земли, а «народ эфиопский — Богом избранный народ» (курсив наш. — В. П.) (с. 130).

Григорий пространно излагает различные пророчества о Христе. Другие иерархи спрашивают его о судьбе святых реликвий: гвоздях (креста), заделанных Еленой в узду, которая стала паразителем врагов римского царя; колеснице, поражающей врагов эфиопского царя, и Споне (Ковчега завета), находящемся у того же эфиопского царя. Григорий отвечает, что один из будущих царей Рима, по имени Маркиан, переступит веру и прогневает господа. Царь персидский Ириней возьмет его в плен вместе с конем. Но по воле божьей конь этот бросится в море и утонет. Гвозди будут сиять в глубине моря до второго пришествия Христа. Что касается Ковчега завета, то он останется в Эфиопии до второго пришествия Христа. Колесница же исчезнет во время войн за веру в Нагроне. Царь римский, царь эфиопский и патриарх Александрийский совместно выступают против иудеев. Цари встретятся после победы в Иерусалиме,

²⁰ Здесь и далее ссылки даются на эфиопский текст издания К. Бекольда.

причтятся в единой вере, разделят землю пополам и примут общий царский титул — «царь Эфиопии» (имена этих царей: римского — Юстин, эфиопского — Калев). Калев оставит здесь старшего своего сына — Израиля, а младшего — Габра Маскаля — сделает царем в Эфиопии. Израиль придет, чтобы воцариться на Сионе. Габра Маскаль выступит против него на колеснице. Тогда Господь предложит Габра Маскалю выбрать между колесницей и Силоном (Ковчег завета) и склонит его к последнему. Израиля же склонит выбрать колесницу и стать невидимым. «Так Господь даровал царю Эфиопии славу и величие, и возвеличился он над всеми царями земли ради величия Сиона, Ковчега завета Господня, Небесного Сиона!» (курсив наш. — В. П.) (с. 174).

Далее следует колофон, а за ним список царей от Базена до Амда Цайона. Таково в чрезвычайно, разумеется, сжатом виде содержание столь высоко чтимой эфиопами книги,²¹ ставшей для них таким же вместилищем национальных и религиозных чувств и чаяний; как для евреев Ветхий завет или для арабов — Коран. Кэбра Нагаст — это своего рода документальное свидетельство поисков эфиопами своего места в мировой истории. Принятие царицей Савской иудейского монотеизма — символ отречения эфиопов от язычества и акт, поставивший их на равную ногу с «избранным» народом и даже выше его, поскольку вся «слава» прежнего Израиля переходит вместе с главной его святыней — Ковчег завета — к Эфиопии. Принятие Эфиопией христианства — следующий этап в культурном самоопределении, возвысивший Эфиопию еще на одну ступень и еще более умаливший иудеев, не признавших и распявших Христа. Но, приняв христианство, эфиопы оказались не единственным христианским народом: рядом были «ромен», веровавшие как-то иначе. Принятие монофизитской доктрины (пусть даже чисто словесное) было тем последним этапом, который окончательно превратил эфиопов в единственный правоверный народ, а Эфиопию поставил выше всех прочих стран мира, даже Рима (Византии), единственного государства, с которым можно быть на равной ноге и разделить землю. Эфиопия выше Рима уже потому, что эфиопские цари происходят от старшей линии Соломонидов. Рим впал в ересь и потерял свои святыни, а Эфиопия остается православной и сохранит свою главную святыню — Ковчег завета — до второго пришествия Христа. Центральная идея этой книги, которая может быть выражена в формуле «Эфиопия — Новый Израиль», глубоко и прочно вошла в эфиопское национальное самосознание. К ней обращались и во времена борьбы с исламом (XIV—XVI вв.), и в период галласского засилья и феодальных распрей конца XVIII—середины XIX в., ее идеями проникнут и грозный узурпатор Феодор II (1855—1868), приказавший составить для себя генеалогию, которая возводила бы его к Соломону.²² Легенда о царице Савской и Соломоне стала народной, она живет и развивается в устной традиции.²³

²¹ Литературные источники Кэбра Нагаст изучил D. A. Hubbard в докторской диссертации. Список важнейших исследованных им источников см.: Ullendorff E. *Ethiopia and the Bible*. London, 1968, p. 75.

²² О том, какую большую ценность придавали эфиопские цари этой книге, свидетельствует следующий факт. Среди книг, захваченных британской экспедицией сэра Нэнпир в Магдале, был и великолепный экземпляр Кэбра Нагаст, вывезенный Феодором II из Гондара. В 1872 г. Иоанн IV посылает лорду Гранвиллю письмо (10 VIII) с просьбой вернуть эту книгу. Просьба была удовлетворена, и Иоанн IV не расстался с книгой до своей трагической смерти при Маттаме в 1889 г., после чего она перешла к его преемнику на престоле Менелику II. На просьбу французского посланца Ле Ру дать ему возможность ознакомиться с книгой и перевести ее на французский язык Менелик II ответил: «Я того мнения, что народ защищает себя не только своим оружием, но также и своими книгами. Та, о которой говорит господина, является гордостью этого царства. Начиная с меня и до беднейшего солдата, шагающего по дороге, все абиссинцы будут счастливы, если книга эта будет переведена на французский язык и станет известной нашим друзьям, которые у нас есть на свете. Станет тогда ясно, какие узы соединяют нас с народом Божиим, какие сокровища вверены нам. Станет понятнее, почему не было у нас недостатка в помощи Божьей против врагов, которые на нас нападали». См.: Strelcyu S. *Kebra Nagast*. . . , p. 7. — Добавим, что этот экземпляр Кэбра Нагаст (Or 819 по каталогу Британского музея) спустя много лет был обнаружен в церкви св. Рагуля в Аддис-Абебе (куда в 1955 г. был перенесен табот — четырехугольная доска, соответствующая православному антимиссу, и церковные принадлежности из церкви св. Рагуля на Энтотто старостой (алака) этой церкви Габра Селассие, являвшимся одновременно секретарем и историографом Менелика II).

²³ См., например: Littmann E. *The legend of the Queen of Sheba in the tradition of Axum*. Leiden, 1904; Caquot A. *La Reine de Saba*. . . , p. 137—147.

на ее сюжет пишут картины, она повлияла и на официальную титулатуру эфиопских государей: Мо'а 'анбасā за — 'эммэнагада Йэхүда» («Победил лев от колена Иудина» — Апокал. V, 5). Наконец, ст. 2 конституции Эфиопской империи 1956 г. гласила: «Императорское достоинство навсегда остается привилегией рода Хайле Селассие I, потомка царя Сахле Селассие, происходившего по прямой непрерывной линии от династии Менелика I, сына царицы Эфиопии, царицы Савской и царя Соломона Иерусалимского».²⁴

На протяжении многих веков идеи Кэбра Нагаст являлись важным элементом эфиопской культуры, одним из определяющих (пусть иногда подспудно) факторов национального самосознания.

Какова будет судьба ее идей и чаяний в современной Эфиопии, трудно сказать. Наступающая для этой страны новая эпоха строится, очевидно, на совершенно ином фундаменте. Можно, однако, с уверенностью сказать, что, будучи вытесненными из идеологически созидательной сферы, мотивы и темы Кэбра Нагаст будут жить и в эфиопском фольклоре, и в сфере даже самого современного искусства (литературе, живописи, музыке), как они живут, например, в творчестве выдающегося эфиопского художника Афеворка Текле.

V. M. Platonov

KEBRA NAGAST

(The main ideas of the XIV century dynastic novel of Ethiopia)

Since its first edition by C. Bezold in 1905 Kebra Nagast has been long the object of study in Europe. In spite of it the true appreciation of this XIV century «dynastic novel» emerged only recently. Kebra Nagast was composed during the first period of the Shoan Kingdom when the new growing society was in extreme need of working out its cultural and ideological identity. The work in question not only justified the usurpation of throne by the new Solomonic dynasty but gave also a mighty ideological impetus to the forming society asserting its leading place in the world's history.

²⁴ См.: Левин И. Д. Конституции государств Ближнего и Среднего Востока. М., 1961, с. 528. — В тексте мы изменили два слова: вместо «короля Сале Селассие» пишем «царя Сахле Селассие».